

РОССИЙСКАЯ НАУКА И ГОСУДАРСТВО: ОБРАЗ УЧЁНОГО В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ КИНО

С.М. Медведева

Московский государственный институт международных отношений (университет)
МИД России. Россия, 119454, Москва, пр. Вернадского, 76.

Статья посвящена анализу образа учёного на материале российских фильмов о науке последних лет. В работе анализируется два круга проблем:

- 1) специфика и роль популярной науки в жизни общества;*
- 2) национальные особенности научных культур.*

В статье доказывается, что популярная наука не должна рассматриваться в качестве бледной копии настоящей науки. Наоборот, современные модели научной коммуникации предполагают, что уровень популярной науки имеет собственную значимость и способен влиять на состояние уровня профессиональных учёных. В том числе, поскольку область популярной науки менее связана с наднациональными научными нормами, чем академическая наука, весьма вероятно, что она явственнее проявляет национальные особенности научной деятельности. В итоге анализ современных российских кинолент показывает, что сложившаяся ещё в петровские времена традиция, когда самосознание российских учёных самоопределялось по отношению к государству (учёный-госчиновник/учёный-оппозиционер) сохраняется до сих пор.

Фактически интерпретация дилеммы учёный-государственник и учёный-либерал российским кино показывает, что у научного работника нет выбора, так как он проигрывает всегда, а государство – никогда. Учёный в кинофильмах часто символическая фигура, представляющая народ. В этой связи угнетение государством науки превращается в угнетение народа, а сам учёный – в мученика за народ. Разумеется, подобные настроения созвучны относительно узкой интеллектуальной прослойке россиян. Однако и в этом случае затронутые кинолентами темы не только становятся объектом общественного внимания сейчас, но ещё долго будут будоражить умы как внутри научного сообщества, так и за его пределами.

Именно такое представление о безвыходности доли учёного становится благодаря кино предметом общественного внимания.

Ключевые слова: популярная наука, научная коммуникация, научно-исследовательская культура, образ учёного.

В статье анализируется образ российского учёного (который создаётся современным отечественным кино), его сложные, порой драматичные отношения с государством. Почему эта тема важна? Что она может дать для понимания жизни научных работников или жизни общества, на благо которого они трудятся? Особенно учитывая, что речь идёт об образах, созданных кинематографом, то есть сконструированных, а не о реальных судьбах людей?

Тем не менее очень многое... Наша гипотеза состоит в том, что Россия и российская наука обладают особым опытом взаимодействия между учёными и государством, в котором проявляется и специфика российской государственности, и специфика российской научной культуры. Также мы предполагаем, что популярный образ науки, то есть образ, отражённый в массовой культуре, а в нашем случае в кино, позволяет явственнее проявить эти особенности. Мы полагаем, что именно эти неподлинные, преобразованные мыслью режиссера образы способны проявить архетипы национальной научной культуры. Эти образы являются своеобразным взглядом со стороны, близким, так как зачастую он основывается на фактах, и вместе с тем отстранённым, чтобы ему открылись особенности научной жизни, ускользающие от учёных из-за своей обыденности.

В данном исследовании анализируются четыре фильма об учёных: «В круге первом» (2005 г., реж. Г. Панфилов), «Не хлебом единым» (2005 г., реж. С. Говорухин), «Королёв» (2007 г., реж. Ю. Кара), «Жизнь и судьба» (2012 г., реж. С. Урсуляк). Позже мы вернёмся к вопросу, почему были выбраны именно эти картины. А теперь целесообразнее разобрать ряд теоретических предпосылок, являющихся основой для дальнейшего анализа.

Речь идёт о двух комплексах проблем, которые будут рассматриваться в данной работе:

1) популярная наука, её специфика и роль в жизни общества;

2) национальные особенности научно-исследовательских культур, их соотношение с национальным этосом науки и их проявление в российской научной практике.

Рассмотрим оба вопроса по порядку. Начнём с проблем популярной науки, то есть с проблем распространения научных идей в массы. Несомненно, популярная версия научных знаний всегда сопровождала подлинную науку. Однако специалисты практически единогласно фиксируют рост интереса к научной популяризации где-то на рубеже XIX – XX вв. [1, с. 20–37; 2, с. 4–18; с. 55–69]. Наиболее весомой представляется точка зрения, указывающая на существенные изменения в самой науке, связанные с ростом специализации, усложнением научных дисциплин. Это сделало их менее доступными для массового читателя, который, не имея исследовательских навыков, имел тем не менее интерес к науке. Возникла потребность

в посредниках, способных преобразовывать сложные научные формулы в более доступные воззрения [4, с. 57–77]. В их качестве выступили и сами учёные-популяризаторы, и независимые писатели, и журналисты, и др.

Отношения между двумя версиями науки – популярной и подлинной – не всегда были безоблачными. Учёные часто обвиняют популярные издания в производстве низкокачественной продукции. В свою очередь, определённая «закрытость» учёного от публики и журналистов долгое время воспринималась как норма. Ш. Данвуди приводит драматичные примеры второй половины XX в., когда научное сообщество подвергалось репрессиям своих собратьев за популяризацию своего открытия. Например, учёному, добившемуся успеха в лечении некоей болезни, отказали в членстве в почётном научном обществе, поскольку его имя упоминалось в статье об этой болезни. Подобное упоминание сочли «неуместной рекламой». И хотя в настоящее время наметилось потепление между учёными и популяризаторами их идей, Данвуд утверждает, что подобные казусы не являются лишь пережитком прошлого (5, с. 16).

Впрочем, в настоящее время появляются более сбалансированные подходы, предлагающие отказаться от жёсткого разграничения подлинной науки и её популярной версии. Коммуникация науки представляется как континуум, разворачивающийся между различными уровнями в зависимости от контекста и стиля коммуникации (6, с. 30–60; 4, с. 63). Выделяются четыре уровня:

- 1) внутридисциплинарный уровень;
- 2) междисциплинарный уровень;
- 3) педагогический уровень (тексты учебников);
- 4) популярный уровень (собственно популярные книги, журналы, документальные фильмы).

Суть этой модели в том, что общественность не воспринимается в качестве пассивного реципиента просветительской работы учёных и журналистов. Коммуникация осуществляется не односторонне, а каждый из уровней, в том числе уровень популярной науки, приобретает собственную значимость и способен влиять на состояние иных уровней, включая уровень профессиональных учёных, например привлекая внимание политиков и учёных к той или иной проблеме (4, с. 64).

Таким образом, идеи, бытующие на уровне популярной науки, не следует рассматривать в качестве бледных отблесков подлинных научных воззрений. Более того, в некоторых случаях они способны донести некоторые проблемы подлинной науки более выпукло, чем она сама. Однако для пояснения этой мысли необходимо обратиться ко второму пункту теоретических предпосылок данной работы, то есть к дискуссии о национальных особенностях исследовательских культур.

■ Науковедение

Один из фундаментальных вопросов современной философии науки состоит в следующем:

– Является ли наука единым комплексом методов, норм и стратегий (прогрессирующих и демонстрирующих преемственность) или возможны различные типы рациональности, которые могут быть признаны равно научными и несопоставимыми?

В более узком смысле этот вопрос звучит так:

– Представляет ли современная наука теоретико-методологическое единство и является ли западная наука эталоном в рамках этого единства? Или можно говорить об особенностях национальных научных культур, которые зависят от вненаучных культурных детерминант? Другими словами, можно ли говорить, что в зависимости от своих культурно-исторических традиций разные народы создают свои вариации науки, а западная наука – лишь частный случай научной рациональности, до сих пор наиболее успешный, но не единственный?

В первой – более общей – формулировке данная проблема привлекала внимание многих теоретиков науки, в том числе сторонников убеждения о единстве, преемственности и прогрессе научных знаний. Среди них можно назвать философов Просвещения в XVIII в., в XIX в. – представителей позитивизма, в XX в. – К. Поппера (7, с. 168 – 234).

В свою очередь, точка зрения о разнообразии и несопоставимости научных традиций также имеет ярких представителей. В философском плане она восходит к работам Т. Куна и М. Фуко. Кун ввёл в науковедение понятие «парадигма» – сумму фундаментальных образцов научного исследования. Парадигмы сменяются в ходе истории, причём знания, накопленные в одной парадигме, нельзя оценивать с точки зрения другой, то есть парадигмы несопоставимы. Парадигмы не могут быть восприимчивыми друг к другу, они отвергаются и создаются заново, то есть научные знания некумулятивны. И, наконец, смена парадигм не объясняется тем, что учёные разработали лучшие теории. Она происходит в результате действия внерациональных, вненаучных причин (8, с.86).

Концепцию эпистем М. Фуко, изложенную в работе «Слова и вещи», часто сопоставляют с концепцией парадигм, однако в них имеются различия. Действительно, подобно Куну, Фуко считает, что развитие наук в определённую эпоху обусловлено некой системой взглядов – эпистемами, имеют некоторое сходство, даже если они отличаются предметом исследования. Вместе с тем науки, возникающие в рамках различных эпистем, даже имея видимое сходство, существенно отличаются друг от друга (9, с. 28–37).

Таким образом, если у Куна парадигма – эта система взглядов, вызревающая внутри научного сообщества и представляющая сумму научных теорий, то у Фуко эпистема – это воззрения эпо-

хи, которые определяют возможность возникновения конкретных мнений, и в том числе научных теорий. Эпистемы складываются вне науки, это интуиции эпохи о том, как можно мыслить и взаимодействовать с миром. Эпистемы определяют не только становление науки, но и весь культурный контекст эпохи (9, с. 71).

Хотя работы Куна и Фуко посвящены анализу разных этапов становления западной научной традиции, их выводы о прерывности и вненаучной обусловленности этой традиции делают закономерным заключение о том, что научные культуры разных стран также могут иметь своеобразные черты. Следовательно, они не являются простой производной от западной науки. Собственно, развитию этой точки зрения посвящены работы в области более частного вопроса о единстве науки, то есть вопроса о национальных научных культурах. В настоящее время эта проблема привлекает внимание многих социологов – Д. Блур, Б. Латур, К. Кнорр-Сетина и др. (10, 11, 12).

Общая идея их подхода в том, что общие представления и установки сообщества определяют содержание и особенности научной практики. В этом контексте заслуживает упоминания недавнее исследование «Зная и живя в академических исследованиях», которое фактически является эмпирическим подтверждением указанных теорий. Его авторы доказывают, что невозможно говорить о единой научной культуре даже в рамках Европы, поскольку научные практики разных европейских государств различны (13).

Теперь вернёмся к вопросу о роли популярной науки в жизни общества. Как отмечалось, мы предполагаем, что популярная наука может более выпукло проявить проблемы, возникающие в рамках подлинной науки, например, вопросы дискуссионные или этические. Вместе с тем, вероятно, что популярная продукция явственнее проявляет национальные особенности научной деятельности, которые при других способах изучения обнаружить сложнее. Действительно, популярный уровень научной коммуникации в меньшей степени связан с национальными научными нормами, поэтому национальная самобытность проявляется здесь сильнее. Естественно, в настоящем исследовании нас более всего интересуют особенности русской / российской научной культуры.

В настоящее время этот вопрос интенсивно исследуется. Особого внимания заслуживает работа В.И. Коннова (14, с. 243–247). Автор анализирует связь между религией в Европе и России и историей становления науки. Католичество и протестантизм, каждый по-своему, определили научную деятельность как вариант служения Богу. Так на Западе возникло уважение к научной деятельности и её автономия от государства. В России этого не произошло, так как православие не рассматривало научную карьеру как служение Богу. Вместо этого возникло пред-

ставление о «государевом служении», когда учёный ассоциировался с госчиновником. В итоге, суммируя выводы Коннова, можно сказать, что исторически государство являлось ключевым стержнем, вокруг которого вращалась самоидентификация российской науки. Учёный мог выполнять функцию госчиновника либо оппозиционера (идентичность, сложившаяся в XIX в., в процессе самоопределения интеллигенции). В любом случае государство – это та структура, от которого эти два мировосприятия отталкиваются. Это положение стало отправной точкой нашего исследования взаимоотношений российского учёного и государства по материалам кино.

В качестве предмета анализа были выбраны четыре российских фильма последних лет: «В круге первом» (2005), «Не хлебом единым» (2005) «Королёв» (2007). «Жизнь и судьба» (2012). Отметим, что в последние десятилетия отечественный кинематограф был крайне небогат фильмами о работе учёных. На фоне многолетнего затишья появление в короткий период сразу четырёх картин, посвящённых науке, само по себе представляется знаковым событием. Три фильма непосредственно посвящены судьбам учёных. Исключение – «Жизнь и судьба», представляющая собой эпопею, в которой переплетаются судьбы различных людей и государства. Линия учёного-физика Виктора Штрума – лишь одна из них.

Помимо сходной тематики фильмы объединяет ряд моментов:

1) время действия – советский период, эпоха Сталина. События фильма «Королёв» разворачиваются незадолго до начала Великой Отечественной войны, «Жизнь и Судьба» посвящена непосредственно Великой Отечественной войне. Действие фильмов «Не хлебом единым» и «В круге первом» происходят в послевоенном СССР. Такое совпадение едва ли случайно, хотя о его смысле допустимо рассуждать лишь гипотетически. В последние годы тема Великой Отечественной войны особенно популярна. Это напоминание о силе, мужестве, стойкости русского народа, о величии и могуществе России. Можно сказать, Победа в Отечественной войне – неоспоримый повод для гордости нашей страны. Не подвергая сомнению значимость этого события для России и всего мира, следует отметить, что рассматриваемые нами фильмы демонстрируют обратную сторону той эпохи. Они, конечно же, не оспаривают величие Победы, но, выступая её фоном, показывают весь ужас и мрак, ту высокую цену, которую платило общество, его интеллектуальные круги за необходимость поддерживать мощь государства;

2) драматизм судьбы учёного, работающего в Советском государстве. В каждом из фильмов эта тема раскрывается по-своему. В этой связи уместно дать краткий анализ каждой картины. Учитывая ограниченность работы, мы сконцентрируемся на основных моментах сюжета, опуская детали. Кроме того, мы не будем оценивать

достоверность картин, только художественный материал, как он был явлен зрителю.

Фильм «В круге первом» (2005) поставлен по одноимённому роману А.И. Солженицына. В киноленте переплетаются две сюжетные линии, но мы сконцентрируемся на одной: линии учёного Глеба Нержина, арестованного и вынужденного работать в так называемой «шарашке» над секретным проектом для Сталина. Труд заключённых учёных, «шарашка» рассматриваются здесь если не как абсолютное зло, поскольку это «первый круг ада», как говорит в конце главный герой картины Глеб Нержин, то, во всяком случае, как нечто предвещающее абсолютное зло. Подобная оговорка существенна, так как в «Не хлебом единым» феномен «шарашки» получает иную интерпретацию.

Однако и в этом фильме жизнь марфинской «шарашки» далеко неоднозначна. Нет сомнения, что заключённые много лишены, многие эпизоды фильма полны истинного драматизма. Вместе с тем ужас, прорывающийся в фильме порой с потрясающей силой, не является единственным лейтмотивом. В картине присутствуют очень разные настроения, в том числе иронические и даже комические. В частности, заслуживает внимание ирония, с которой подаётся повседневная жизнь обитателей подобных лагерей. Герои намеренно запутывают начальство, доказывая, что созданная ими аппаратура работает или будет работать в ближайшее время, тогда как, вероятно, это бесперспективный прожект. Они флиртуют с женщинами, ведут философские беседы, шутят.

Следует отметить, что «наука», которой заняты герои киноленты, также не вызывает симпатии. В основном речь идёт о разных средствах слежения за обществом. Сами учёные не заинтересованы в осуществлении своих проектов. Таким образом, за иронией и комизмом отдельных эпизодов к нам возвращается тема ужаса, но ужаса скрытого, который надо улавливать за кадром: в ужасном государстве, ужасными средствами и под давлением этого государства учёные создают нечто ужасное, направленное на угнетение и подавление того народа, которому они призваны служить.

Вместе с тем, как отмечалось, ужас не присутствует в каждом эпизоде фильма. Он вторгается неожиданно с жёстким обращением надсмотрщиков, с письмами с воли, с редкими встречами с родными... Весьма вероятно, что такой способ повествования выбран неслучайно – жизнь в «шарашке» не так тяжела, во всяком случае по сравнению с другими кругами ада. И именно поэтому герои фильма оказываются перед моральным выбором. Именно этот выбор является целью и смыслом картины.

Действительно, рано или поздно каждый из героев получает предложение поучаствовать в более перспективных разработках. Это сулит более благополучную жизнь здесь и даже свободу. Альтернатива – ссылка в настоящий трудовой

лагерь. Неудивительно, что части героев в итоге удаётся «пристроиться», заключив сделку с силами, представляющими государство. Интересны, конечно же, те, кто отказывается. В их числе – главный герой Глеб Нержин. Любопытно, что он мало и явно недостаточно объясняет свой выбор. Очевидно, что ссылка в настоящий лагерь со всеми его ужасами, которые Глеб прекрасно осознаёт, для него более привлекательна, чем работа здесь, где условия хотя бы сносные. Но почему он это делает? В художественной литературе существует приём, когда чувства главного героя передаются другим второстепенным персонажем. Последний служит своеобразным зеркалом, в котором вновь проигрываются эпизоды основной линии. Подобный приём служит для усиления эффекта, создания чувства неоднозначности, но в том числе для более явственного прояснения позиции главного героя. Думается, в этом качестве в «В круге первом» выступает Илларион Герасимович.

Линия этого героя очень коротка и драматична. Для усиления эффекта драмы в начале появляется его жена, своеобразный символ измученных жен заключённых. Она не в состоянии больше сносить презрение, нападки и откровенную травлю со стороны окружающих. Она просит мужа «что-нибудь придумать», чтобы выйти через месяц, иначе она умрёт. Соответственно Герасимович получает самое блестящее предложение. Ему обещают досрочное освобождение, если он сделает два фотоаппарата для слежки. Герасимович отказывается. Его уговаривают и наконец указывают, что это по его специальности. «Это не по моей специальности, – отвечает Герасимович. – Сажать людей не по моей специальности. Довольно, что нас посадили...».

В этих коротких фразах – квинтэссенция отношений учёного и государства в этом фильме. Государство извратило науку, сделав её средством угнетения и людей, и учёных, превращённых в рабов, которые создают новые средства угнетения. Подлинный учёный или, правильнее сказать, просто настоящий человек должен совершить выбор против работы на эту страшную машину. Потому что здесь создают не науку, не технику, а средства угнетения и контроля. И продолжая содействовать их созданию, учёный сам становится угнетателем, точнее, рабом угнетателя, что, пожалуй, ещё хуже.

Единственный выход – самопожертвование. Несогласных, всё ещё способных оставаться личностью, ссылают в Сибирь. Характерны слова, звучащие в конце за кадром, как бы подытоживающие финал фильма. «Их ожидало только худшее... Но в душах их был мир с самими собой...». Моральный выбор совершён. И наградой выбравшим правильно служит чистая совесть. Наверное, это самая эфемерная из всех наград, но не исключено, что и самая необходимая.

Обратимся теперь к фильму «Не хлебом единым» (2005). В этой картине речь идёт о талантливом изобретателе Дмитрие Лопаткине,

разработавшем инновационный метод отливки труб. Его метод имеет преимущества перед отечественными и зарубежными аналогами, однако его внедрение сталкивается с серьёзными препятствиями. После долгого периода борьбы, взлётов и падений изобретателя арестовывают по нелепому обвинению в разглашении государственной тайны о своём же методе, и он оказывается в «шарашке», аналогичной изображённой в «В круге первом».

В этом фильме есть несколько интересных особенностей, которые следует отметить отдельно. Прежде всего, речь идёт об образе учёного. Конечно, в фильме их много, и это разные типы. Но главный посыл фильма, что истинные учёные, представленные Лопатиным и чудаковатым профессором Бусыгиным, – это бескорыстные служители научной мысли и народа, лишённые эгоистических побуждений, жертвователи, люди высокой морали. Весьма любопытно замеченное в фильме разграничение между народом и государством. Подлинный учёный призван служить народу, но встречает препятствия со стороны государства. Это особенно явно проявляется в сцене с Бусыгиным, показывающим Лопаткину свои нереализованные патенты. «Вот он народ, – восклицает Бусыгин, подходя к окну. – Идёт по улице. И я ничего не могу ему этого [изобретения] отдать... Да, жизнь свою в придачу отдаю и не могу...».

В фильме подчёркивается и мотив жертвенности учёного, непонятный их окружению. «Изобретатели, – говорит всё тот же Бусыгин, – это святые люди. Они светят как кометы, не замечая того, что сгорают сами». Препятствием для работы учёного являются и представители официальной науки, и отраслевая бюрократия, представленная в фильме в образе Дроздова, госчиновника-практика. Очень любопытна мотивация ненависти, физической неприязни, которую фактически беспричинно испытывает Дроздов к Лопаткину с самого начала фильма, когда ещё главный герой практически не проявил себя как бескомпромиссный борец за правду. «Возвышенная натура, – говорит Дроздов. – Гений. А я не верю в существование возвышенных натур. Рядом с «понятием гений» всегда стоит понятие «чернь». И я для него чернь. Да, я чернь... Чернорабочий коллективного дела».

Дроздов и ему подобные не принимают в поведении Лопаткина «надрыва», «мученичества», «нежелание идти на компромиссы». Неслучайно Лопаткину предлагали работать над сходным проектом академика Авдеева, но тот отказался. Таким образом, Дроздов противопоставляет проект Авдеева, «плод коллективного труда» и рукоделие одиночки, то есть Лопаткина. Весьма вероятно, что здесь мы имеем дело с неким более фундаментальным противостоянием, чем просто личная неприязнь. Это столкновение двух типов людей, двух мировоззрений, двух жизненных кредо, воплощённых в образах прекраснодушного учёного и прагматичного чиновника.

Истоки этого конфликта фильм более не анализирует, но можно с уверенностью сказать, что, поскольку оба героя являются архетипами науки и чиновничества, очень печально, что подобный конфликт вообще имеет место. Бюрократическое начало подавляет научное и тем самым ставит под вопрос возможность самой науки. В конце фильма режиссер пытается найти альтернативу, возможность для Лопаткина работать. Но если в рамках самого фильма эта альтернатива выглядит приемлемой, то для стороннего наблюдателя такой судьбе не позавидуешь. Речь идёт о «шарашке», в которую в конце своих мытарств попадает Лопаткин. Примечательно, что здесь «шарашка» действительно появляется как достойный вариант для учёного работать на благо своей страны.

Сами учёные, заключённые здесь, горят желанием двигать науку вперёд. Об этом говорит не только главный герой, но и второстепенный персонаж, появляющийся в последней сцене для иллюстрации подобных настроений. Он жалуется, что отбой начинается в 9 часов, тогда как творческая мысль может посетить в любое время, даже ночью. «Мы можем работать сутками», – заявляет он. «Шарашка» здесь выступает как серьёзная альтернатива официальному производству, где господствуют дроздовы, и наука, создаваемая ею, реальна и полноценна. Следовательно, есть надежда, что наука в СССР (России) не погибнет. Таков, во всяком случае, итог этого фильма.

Основная тема киноленты «Королёв» (2007) – сила человеческого духа, нестигаемость воли, преданность мечте и готовность преодолеть любые преграды. Этот фильм имеет определённое сходство с героическими лентами советских лет о разведчиках и первопроходцах либо с американскими фильмами в стиле экшен. Его герои не ведают сомнений, всегда верны принятому решению, их речь и манера поведения не лишены пафоса и картинности. Подобная особенность фильма лишает его глубины, но компенсирует это большим накалом страстей и напряжением, что свойственно именно для стиля экшена.

Единственно в качестве героя этого экшена выбраны не бравые милиционеры/полицейские, а советский учёный-конструктор С. Королёв, а главным преследователем – Советское государство. Это противостояние заявляется с первых кадров. Картина начинается со сна Королёва, что он гуляет по Марсу. Его будит жена. Оказывается, он уснул прямо за столом над бумагами. Они садятся пить чай, но тут его приходят арестовывать. Очень неприятный эпизод, когда один из энкавэдэшников крадёт украшения и деньги. После этой сцены не может быть сомнений в том, что государство, представителями которого являются такие служащие, не имеет никаких моральных ценностей. Его качество как машины подавления определено раз и навсегда. В процессе обыска энкавэдэшник растаптывает модель самолёта. Это символическое действие. Мечта о

небе растоптана Советским государством. После того как Королёва уводят, его жена звонит по телефону его родителям и в слезах кричит в трубку: «Серёжи больше нет!»

Мы не будем живописать все ужасы, переживаемые главным героем в процессе следствия и далее в лагере. Скажем лишь, что если в двух предыдущих фильмах игра идёт скорее на полутонах, то в «Королёве» ужас захватывает внимание зрителя буквально с первых кадров и продолжает держать его в напряжении до самого конца. В конце концов матери главного героя удаётся добиться пересмотра дела, и Королёва вновь вызывают в Москву. Он едет на машине в Магадан, чтобы успеть на последний пароход до Владивостока. Но машина по дороге ломается. И Королёв идёт 100 км по заснеженной пустыне, в пурге, без провизии и экипировки. Буквально из последних сил герой добирается до места назначения и падает в обморок перед начальником порта. Естественно, ни на какой пароход он не попадает. Следующий кадр показывает Королёва в доме местной знахарки, которая лечит его. Оказывается, пароход, на который так рвался герой, затонул. Ещё одно напоминание о бесчеловечности государства: охранники заперли всех заключённых в трюмы и сказали спасателям-японцам, что трюмы пусты. Все заключённые погибли. «Если Господь тебя так любит [то есть уберёт от гибели на корабле], – говорит женщина, – значит, готовит тебя к какой-то очень важной миссии». «У меня одна миссия, – отвечает ей Королёв... – Прорваться к звёздам». И мы вновь видим человека, идущего по Марсу.

Итак, мечта победила советскую машину подавления. Следует отметить, что это единственный фильм из рассматриваемых в этой статье, где учёный побеждает государство. Разумеется, в каком-то смысле, победителями становятся и Нержин, и Лопаткин. Но обе эти победы связаны со слишком большими издержками. Другое дело в фильме «Королёв»: складывается впечатление, что государство отступилось от героя. Ведь из фильма мы знаем, что дело будет пересматриваться, а из истории, что ракеты Королёва полетят в космос. Из этих двух фактов складывается настроение победы, и образ человека, идущего по Марсу, только усиливает его.

Думается, в этом основная цель фильма – показать победу учёного над государством, не моральную, а именно полную, безоговорочную. Разумеется, вся эта история мало соотносится с фактами, поскольку реальный Королёв ещё долго сидел и работал в закрытых КБ. Но создатели фильма специально выбрали такую концовку. Государство можно победить – волей, силой духа, верностью мечте, именно теми качествами, которыми обладает Королёв, которыми обладает настоящий учёный. В этом смысл фильма.

Если герои трёх перечисленных картин одерживают победу хотя бы в моральном смысле, то Виктор Штрум, герой киноэпопеи «Жизнь и

судьба», терпит поражение. Примечательно, что в этой киноленте нет надсмотрщиков, пыток, лагерей, все банально, и от этого ещё драматичнее. Как отмечалось, «Жизнь и судьба» представляет собой переплетение многих сюжетных линий, в числе которых сюжетная линия физика Штрума. На фоне батальных сцен Сталинградской битвы эта часть истории поначалу является как иллюстрация к будням советского тыла. Семья учёного-физика вместе с его коллегами находятся в эвакуации. Штрум рисуется малопривлекательной личностью, но явно одарённым учёным. Он разрабатывает некую теорию в области ядерной физики, представляемую в фильме как прорыв в науке. Работа Штрума вызывает бурную поддержку его коллег.

Проблемы начинаются, когда институт возвращается в Москву. Вокруг Штрума сгущается тучи: меняется руководство института, с которым у него начинается череда мелких конфликтов, его выдвигают на Сталинскую премию, но кулуарно обвиняют в идеологической несостоятельности и т.п. В это время Штрум идёт на открытый конфликт с начальством из-за увольнения его лаборантки и отказа принять на работу талантливого учёного с немецко-еврейской фамилией. Следует отметить, что этот человек действует вовсе не из высоких побуждений или даже чётко продуманных соображений, он скорее спонтанен, вспыхивая, плохо просчитывает ситуацию и явно не понимает, на что нарывается.

Действительно, погружённый в постижение мира микрочастиц, он явно плохо понимает законы этой реальности и не видит возможных последствий своих поступков. Не будем обсуждать все перипетии травли Штрума, она абсурдна и вместе с тем трагична. Ему советуют написать покаянное письмо, неважно кому, главное написать, покаяться. Он начинает писать, но не доводит до конца. Его вызывают на учёный совет, он отказывается, несколько раз начинает собираться и в итоге не идёт. В его действиях мало героизма, скорее растерянность большого ребёнка, не понимающего, что от него хотят и за что наказывают.

В итоге его враги торжествуют. Можно ожидать ареста учёного. Но неожиданно Штруму звонит сам Сталин. После этого звонка ситуация меняется кардинально. Получается, что Штрум победил. Он пошёл на принцип, и государство склонилось если не перед его силой, то по крайней мере перед его талантом. Однако ни фильм, ни жизнь, ни судьба на этом не заканчиваются. И всё та же клика официозных учёных предлагает физику подписать какое-то подлое письмо для западной прессы, опровергающее факты репрессий в СССР. Далее следует сильная сцена. Штрум, не говоря ни слова, выходит в туалет и начинает судорожно думать о том, как избежать подписания этого письма. Оказывается, пойдя на принцип однажды и пережив весь ужас борьбы с государством, он неспособен пойти на это второй раз. Он думает прикинуться

больным, сумасшедшим. В конце он представляет себя заходящим в кабинет и просящим оставить ему право на чистую совесть. После этого Штрум возвращается и, не говоря ни слова, подписывает бумагу. Подчинение учёного государству свершилось.

Вывод: с государством невозможно договориться, заключить компромисс. Более того, его невозможно победить однократно, борьба должна быть постоянной и неустанной, потому что государство не даёт одного генерального сражения, оно будет наносить удар за ударом день за днём, пока человек не сломается или пока его не сотрут в порошок где-нибудь на Колыме. Победить государство не в силах человеческих, и у учёного нет выбора, кроме как встроиться в ту систему, которую предлагает государство, и играть по его правилам.

В этом плане «Жизнь и судьба» самый пессимистичный фильм об отношениях государства и учёного. Даже в судьбе ссылаемого в лагерь Глеба Нержина больше надежды, потому что, теряя относительное благополучие «шарашки», он обретает себя. Штрум же ничего не приобретает. Более того, характерна переключка между двумя фильмами по вопросу совести. Чистая совесть – это награда совершившим правильный выбор в «В круге первом». И это то, о чём мысленно просит Штрум Советское государство. И именно в этом ему отказано, потому что чистая совесть учёного государству не нужна.

Каков же общий итог разобранных здесь кинолент? Думается, нет сомнений, что идентификация современного российского научного самосознания по-прежнему вращается вокруг темы государства. И здесь фильмы проигрывают разные варианты взаимодействий обеих сторон: преданное служение (научный официоз), инакомыслие, жестоко караемое, разные варианты научного рабства – более престижное у Штрума, менее – у Лопаткина. Победа над государством, как в фильме «Королёв», – мечта, которая поддерживает интеллигентов, но не реализуется. Можно сказать, что новая интерпретация современным российским кино старой дилеммы «учёный-государственник и учёный-либерал» приобретает ещё более пессимистическое звучание, поскольку у научного работника фактически нет выбора, так как он проигрывает в обоих случаях, тогда как государство всегда остаётся в выигрыше.

И в этом плане даже не столь важно, что эти идеи обсуждаются не в научных документах, а в художественных произведениях. Главное – они появляются в России практически одновременно, и это, безусловно, неслучайно. Конечно, нам могут возразить, что все фильмы исторические и речь в них идёт о сталинских временах. Однако у художественных произведений есть особенность. Повествуя об исторических событиях, они делают их современными. И в этой связи стоит задуматься, почему эти фильмы выходят именно сейчас? Почему четыре маститых режиссёра

■
 обращаются к теме взаимоотношений науки и государства?

Конечно, дальнейшая интерпретация является допущением. Однако не исключено, что это отголосок более общей темы, намекающий на более фундаментальное противостояние общества и государства, также архетипичного для России. А учёный здесь – символическая фигура, представляющая народ. Угнетение науки

превращается в угнетение народа, а сам учёный – мучеником за него. Разумеется, подобные настроения созвучны относительно узкой интеллектуальной прослойке россиян. Однако и в этом случае затронутые кинолентами темы не только становятся объектом общественного внимания сейчас, но ещё долго будут будоражить умы как внутри научного сообщества, так и за его пределами.

Список литературы

1. Erikson, M. Science, culture and society: understanding science in the 21st century. Malden, Policy Press. 2005. 224 p.
2. Gregory, J. Miller, S. Science in public: communication, culture, and credibility. Cambridge, Basic books, 2000. 304 p.
3. Science and the media. Kennedy D. and Overholser G. (Eds). Cambridge, American Academy of Arts and Sciences, 2010. 96 p.
4. Handbook of public communication of science and technology. Bucchi M, Trench B (Eds.). London and New York, Routledge, 2008. 14 p.
5. Danwoody S. Science Journalism. Handbook of public communication of science and technology. Bucchi M, Trench B (Eds.). London and New York, Routledge, 2008. p. 15–26.
6. Cloitre M., Shinn T. Expository practice: social, cognitive and epistemological linkages./ Shinn, T. and Whitley, R. (eds) Expository Science. Forms and Functions of Popularization. - Dordrecht: Reidel, 1985, 31–60.
7. Поппер К. Предположения и опровержения. Рост научного знания. М.: АСТ, 2004. 640 с.
8. Kuhn, T.S. The Structure of Scientific Revolutions. Chicago: University of Chicago Press, 1962. 264 p.
9. Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. М.: Прогресс, 1977. 488 с.
10. Bloor D. Knowledge and Social Imagery. 2nd edition. Chicago, Chicago University Press, 1991. 203 p.
11. Latour B. Science in action. Cambridge, Massachusetts, Harvard university press, 1999. 288 p.
12. Knorr-Cetina K. Epistemic cultures: how the sciences make knowledge. Cambridge: Harvard University Press, 1999. 352 p.
13. Knowing and living in academic research: Convergences and heterogeneity in European research cultures. Felt, U. (Ed.). Prague, Czech Academy of Sciences, 2009. 242 p.
14. Коннов В.И. Влияние культурного контекста на развитие науки в России: социально-психологический взгляд // Вестник МГИМО-Университета. 2012. № 6. С. 242–249.

Об авторе

Медведева Светлана Михайловна – к. полит. н., доцент кафедры философии МГИМО(У) МИД России.
 E-mail: svetamedvedeva@mail.ru

Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект №12-06-00869.

RUSSIAN SCIENCE AND RUSSIAN STATE: IMAGE OF A SCIENTIST IN MODERN RUSSIAN CINEMA

S.M. Medvedeva

Moscow State Institute of International Relations (University), 76 Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia

Abstract: *The article analyses the image of a scientist represented in recent Russian movies. The article discusses two groups of questions: (1) nature and role of popular science in the life of society; (2) national features of scientific cultures. The article argues that popular science should not be conceived as a weak copy of the real science. On the contrary, modern models of science communication assume that popular science has its own value and is able to influence scientific practices. Simultaneously we assume, that since popular science is less integrated with international scientific norms, it can easier reveal national traditions of scientific life. As a result, the analyze of recent Russian movies shows that*

■ Наукоеведение

---

the tradition established in Peter I times for Russian scientists to work out their self-identity in concern with Russian state still exists (scientist- state supporter / scientist- oppositionist). Actually the modern interpretation of dilemma between state patriotism and liberalism given by modern movies shows that Russian scientist don't have real choice, because they loose anyway whereas the state always wins. So owing to recent movies this representation of hopeless destiny of a scientist is becoming widespread in Russian public culture.

Key words: popular science, science communication, research culture, image of scientist.

1. Erikson, M. Science, culture and society: understanding science in the 21st century. Malden, Policy Press. 2005. 224 p.
2. Gregory, J. Miller, S. Science in public: communication, culture, and credibility. Cambridge, Basic books, 2000. 304 p.
3. Science and the media. Kennedy D. and Overholser G. (Eds). Cambridge, American Academy of Arts and Sciences, 2010. 96 p.
4. Handbook of public communication of science and technology. Bucchi M, Trench B (Eds.). London and New York, Routledge, 2008. 14 p.
5. Danwoody S. Science Journalism. Handbook of public communication of science and technology. Bucchi M, Trench B (Eds.). London and New York, Routledge, 2008. p. 15–26.
6. Cloitre M., Shinn T. Expository practice: social, cognitive and epistemological linkages./ Shinn, T. and Whitley, R. (eds) Expository Science. Forms and Functions of Popularization. - Dordrecht: Reidel, 1985, 31–60.
7. Popper K. Predpolozheniia i oproverzheniia. Rost nauchnogo znaniia [Conjectures and Refutations. Growth of scientific knowledge]. Moscow, AST Publ., 2004. 640 p. (In Russian)
8. Kuhn, T.S. The Structure of Scientific Revolutions. Chicago: University of Chicago Press, 1962. 264 p.
9. Foucault M. Slova i veshchi. Arkheologiia gumanitarnykh nauk [Words and things. Archeology of humanitarian sciences]. Moscow: Progress Publ., 1977. 488 p. (In Russian)
10. Bloor D. Knowledge and Social Imagery. 2nd edition. Chicago, Chicago University Press, 1991. 203 p.
11. Latour B. Science in action. Cambridge, Massachusetts, Harvard university press, 1999. 288 p.
12. Knorr-Cetina K. Epistemic cultures: how the sciences make knowledge. Cambridge: Harvard University Press, 1999. 352 p.
13. Knowing and living in academic research: Convergences and heterogeneity in European research cultures. Felt, U. (Ed.). Prague, Czech Academy of Sciences, 2009. 242 p.
14. Konnov V.I. Vliianie kul'turnogo konteksta na razvitie nauki v Rossii: sotsial'no-psikhologicheskii vzgliad [Influence of cultural context on development of science in Russia: socio-psychological perspective]. Vestnik MGIMO-Universiteta, 2012, no. 6, pp. 242-249. (In Russian)

About the author

Svetlana M. Medvedeva – PhD, Associate Professor of Department of Philosophy, MGIMO-University.
E-mail: svetamedvedeva@mail.ru